

УДК 323.21

Бронников И. А.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

ГРАЖДАНСКИЙ АКТИВИЗМ КАК РЕСУРС «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ

АННОТАЦИЯ

Целью статьи полагается выявление особенностей политических и гражданских форм участия в противоречивом постинформационном обществе. Основное содержание исследования составляет анализ способов и форм гражданского активизма, реализуемых с использованием ресурсов «мягкой силы» и «умной силы». По заключению автора статьи, гражданский активизм способен вписаться и дополнить важными составляющими «мягкую силу» России, а также выступить на паритетных ролях с государственными акторами. По мнению автора, новые методы проявления гражданского активизма обуславливают медленную трансформацию традиционных составных частей существующей политической системы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

гражданский активизм, гражданское участие, социальные медиа, интернет-технологии, «мягкая сила».

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Постановка проблемы](#)

[Метаморфозы гражданского активизма](#)

[Гражданский активизм и «мягкая сила»](#)

[Заключение](#)

I. Bronnikov

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskye Gory, Moscow 119991, Russian Federation

CIVIL ACTIVISM AS A RESOURCE OF THE SOFT POWER IN RUSSIA

ABSTRACT

The aim of the article is to reveal the features of political and civil forms of participation in the contradictory post-information society. The main content of the research is the analysis of civil activism methods and forms, implemented with the use of “soft power” and “smart power” resources. The author considers civil activism to be able to fit in and complement the important components of the “soft power” in Russia, as well as to act on parity roles with the state

actors. According to the author the new methods of civil activism cause slow transformation of traditional components of the existing political system.

KEY WORDS:

civil activism, civil participation, social media, internet technologies, soft power.

ВВЕДЕНИЕ

Человеку информационной эпохи сложно осознать события и процессы, которые происходили до его рождения и оказали существенное влияние на формирование и становление нынешнего постинформационного общества. Мы становимся свидетелями эпохи технологических инноваций и глобальных экологических, экономических и политических вызовов одновременно. Отголоском этого является поверхностное отношение к сложным процессам современного общественного участия (включая социальное, политическое и гражданское) и проявления гражданского активизма во всех аспектах. В начале XXI в. во многих странах исследователями (Б. Барбер, Р. Далтон, Ст. Македо, Дж. Пристли [17–19]) фиксируется тенденция сокращения политического участия, которое реализуется посредством традиционных коммуникационных каналов, что связано прежде всего как с возникновением новых площадок и способов коммуникации, так и с общим возрастанием уровня благосостояния граждан, напрямую влияющим на их политические установки и ценности. Отсутствие действенного влияния на процесс принятия политико-управленческих решений со стороны институтов гражданского общества наглядно демонстрируют существующий кризис репрезентативной демократии, расслоение гражданского активизма, низкая инклюзивность, имитационная соревновательность политических программ и слабая подотчётность власти.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Современный мир многолик и динамичен. Сейчас уже не вызывает удивления тот факт, что насчитывается более 4,2 млрд. интернет-пользователей, а проникновение интернета в Европе составляет 85%, в России – 76%¹. Однако более показательным является тот факт, что в сентябре 2018 г. аудитория социальных сетей² достигла 3,4 млрд. пользователей³. Агентство *Zenith* опубликовало прогноз медиапотребления, согласно которому в 2018 г. 24% всех медиа будут потребляться с мобильных устройств. Согласно данным до-

¹ Internet World Stats [Электронный ресурс]. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (дата обращения: 20.10.2018).

² Несмотря на скандалы и прочие неприятности Facebook остается крупнейшей социальной платформой в мире. На втором месте – YouTube, на третьем – Whatsapp. Замыкает двадцатку Telegram с 200-миллионной активной аудиторией. При этом объём молодой аудитории в Facebook сильно снижается.

³ Глобальные интернет-тренды из отчёта Hootsuite и We Are Social: пост e-commerce и 5 млн. пользователей Snapchat в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sostav.ru/publication/chem-zhivet-internet-trendy-ot-hootsuite-i-we-are-social-33952.html> (дата обращения 20.10.2018).

клада, в 2018 г. человек в среднем будет тратить на это 479 мин. в день, в России этот показатель ещё выше – 517 мин. Пока что самым популярным медиа в России остаётся телевидение: на него приходится 39% от общего времени, или 202 мин. в день. За ним следует радио – 35,5%, или 184 мин., а на интернет приходится 23%, или 119 мин.⁴

Подобное медиапотребление указывает на эрозию и сближение основных каналов коммуникации [2], поэтому некогда актуальное маклюэновское выражение «The medium is the message» («Средство коммуникации само является сообщением») сегодня приобретает новый смысл – средство коммуникации является не только самим сообщением, но и конструктором медийной среды, контента. В постинформационном обществе содержание передаваемого медиа-контента играет большую роль, чем определённые каналы коммуникации. Именно поэтому сообщения в социальных медиа имеют ярко выраженную эмоциональную окраску, усиливая и без того синергетический эффект установок и стереотипов массового сознания. Это приводит к тому, что в классическом парадоксе Маклюэна, приведённом выше, исчезает сам парадокс: для сетевого, цифрового автора теряет значение иная упаковка, кроме той, в которой его произведение попадает в медиа, в то время как для медиакультуры прошлого «упаковка» практически всегда значила больше, чем находящееся в ней содержание [6, с. 304].

Перефразируя известное высказывание министра нефтяной промышленности Саудовской Аравии Заки Ямани «Каменный век закончился не потому, что в мире кончились камни» [8], можно сказать, что информационное общество сформировалось не потому, что появилась информация. Знания и информацию использовали все известные общества, существовавшие до настоящего времени. Сегодня принципиальные изменения произошли в способах и скоростях коммуникации, доставки информации и «переупаковки» контента. Более того, в XXI в. произошёл ценностный сдвиг в стратегиях выживания (Р. Инглхарт) [5], который выражается в переходе от материалистических ценностей к постматериалистическим. Данный переход стал возможным благодаря резкому повышению уровня жизни во многих странах во второй половине XX в. (государство всеобщего благосостояния, стремительный рост ВВП, «тепличные» условия экзистенциальной безопасности). Постматериалисты особо выделяют ценности нематериального характера: самоактуализацию человека и индивидуальное самовыражение, реализацию целей, гарантии прав и свобод личности, качество жизни, защиту окружающей среды, глобальные общественные блага и, конечно, политическое участие. Не в последнюю очередь эти изменения способствовали модификации гражданского активизма, его усложнения и переориентации.

⁴ Zenith: 24% всех медиа будет потребляться с мобильных устройств в 2018 году [Электронный ресурс]. URL: <https://adindex.ru/news/researches/2018/05/29/171339.phtml> (дата обращения: 20.10.2018).

В связи с трансформацией способов и методов политической коммуникации в современном сетевом обществе гражданский активизм приобретает отчётливые очертания политического измерения, а народные ньюсмейкеры («гражданские журналисты») становятся достаточно влиятельными акторами в социальных медиа. Как видится, гражданское участие является асимметричным ответом на вызовы периода постправды, где наблюдается «постоянное искажение транслируемых сведений и информации» [14, с. 16]. Следствием этого является тот факт, что классические способы гражданского активизма и политического участия исчерпали свои возможности в неиерархическом мире, пронизанном конвергентными медиа и новыми субъектами влияния.

Надо сказать, что сложности в развитии политических и гражданских форм участия наблюдаются повсеместно. В этой связи технологические блага постинформационного общества не должны вводить в заблуждение, т. к. параллельно наблюдается создание массового потребителя, лишённого чувства ответственности и самостоятельности и не способного влиять как на политический процесс, так и на собственную жизнь. Как отмечает З. Бауман, индивидуализированному обществу присущи три характерные черты: утрата человеком контроля над социальными процессами; незащищённость его перед переменами и перед текучей современностью, в которой он должен жить; неспособность человека к планированию и достижению долговременных целей и подмена их сиюминутными результатами. Эти тенденции характерны для современного общественного развития в целом, они меняют содержание демократии и формы организации гражданского общества как на Западе, так и в России [3, с. 98]. Однако, несмотря на трудности, гражданский активизм в нашей стране существует и развивается [15]. Об этом свидетельствует рост добровольческих движений, акций «одного требования», экологических акций и протестных выступлений⁵. Разнонаправленность гражданской активности россиян подтверждает некогда забытый тезис Н. А. Бердяева об антиномичности (двойственном характере) русского национального сознания [1].

МЕТАМОРФОЗЫ ГРАЖДАНСКОГО АКТИВИЗМА

Среди основных причин вовлечения населения в гражданскую активность можно выделить большое количество нерешённых проблем (в социальной, экономической, культурной, образовательной и иных сферах общественной жизни), а также необходимость самореализации и осуществления общественно-полезной деятельности, направленной на достижение как индивидуальных, так и общих целей [10, с. 146].

⁵ Согласно докладу Центра экономических и политических реформ (ЦЭПР) «Рост протестной активности в России», в 2018 г. в России произошёл резкий рост протестной активности населения. Зафиксировано 2526 протестных акций, и почти половина из них была связана с пенсионной реформой. Подробнее см.: Пенсионная волна: как Петербург стал столицей протестов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/11/2018/5be2b47e9a7947814b688b74> (дата обращения 08.11.2018).

(Grassroots) и протестных акций связан с желанием большого количества граждан доводить свои требования, запросы и потребности до власти напрямую, без посредников.

В этой связи интересно отметить, что С. В. Патрушев выделяет два типа гражданской активности:

1. Гражданское участие – адаптивная публичная активность, связанная с реализацией универсальных прав, свобод и соответствующих компетенций – знаний, умений, поведенческих навыков и способностей, обеспечивающая достижение индивидуальных, групповых и общественных целей в существующих институциональных условиях.

2. Гражданское действие – неадаптивная публичная активность, связанная с проблемами реализации универсальных прав и свобод: обеспечением равноправия гражданских статусов, преодолением разрыва между формальными и реальными правами в повседневной жизни, устранением барьеров на пути гражданского участия, снятием ограничений на осуществление прав в тех или иных сферах [12, с. 25, 26].

Если гражданское участие канализирует, транслирует и совершенствует устоявшиеся институционализированные модели гражданского общества, то гражданское действие способствует медленной трансформации существующих процедур и практик, ориентированных на повышение эффективности публичного диалога, а также на достижение социополитического консенсуса. По сути, гражданское участие – это коллективное решение социально значимых и политических проблем с целью достижения желаемых позитивных результатов.

В настоящее время существует достаточно широкий спектр инструментов и методов, позволяющих гражданам и гражданским институтам реализовывать свои инициативы. В рамках данной статьи следует особо выделить ряд направлений, в котором гражданское участие всё прочнее занимает свою нишу. Гражданское участие может проявляться в следующих направлениях: совместная работа как особая форма демократического соучастия, со-управление и местное самоуправление, законотворческий процесс, волонтерство, общественный контроль, профилактика правонарушений, краудсорсинговые практики, многочисленные интернет-практики (в последнее время – главный индикатор наличия проблем в государстве и обществе), электронные референдумы, благотворительность и др.

В Конституции Российской Федерации право граждан на участие в управлении делами государства закреплено в ст. 32, включённой во вторую главу «Права и свободы человека и гражданина»⁶. Данное конституционное право предоставляет гражданам возможности влияния и контроля над процессом принятия и реализации государственных решений.

⁶ Конституция Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://www.constitution.ru> (дата обращения 08.11.2018).

Всё это определяет и главные функции гражданского участия: оно позволяет вовлечь сообщество в решение социальных проблем, обеспечить общественный контроль за принятием и реализацией решений государственной и муниципальной власти, содействовать росту социальной сплочённости и социальной идентичности членов сообщества, повысить удовлетворённость населения эффективными социально-политическими решениями и, наконец, оно оказывает влияние на личностное развитие индивидов, рост их социальной и гражданской компетентности и активности [11, с. 49].

ГРАЖДАНСКИЙ АКТИВИЗМ И «МЯГКАЯ СИЛА»

Проблематика гражданской активности и гражданских инициатив находится в зоне повышенного внимания последние несколько лет. Члены Общественной палаты Российской Федерации ежегодно публикуют экспертные отчёты о состоянии и перспективах развития гражданского общества. В частности, в Докладе о состоянии гражданского общества в России за 2017 г. говорится, что без гражданского общества государство быстро превращается в «вещь в себе», действующую исключительно в интересах бюрократии, в то время как ячейки гражданской самоорганизации способствуют созданию новых культурных и общественных пространств [4, С. 84]. В этой связи интересно отметить, что в последнее время особую важность приобретает публичная (общественная) дипломатия, которая является своеобразным ответом на разнообразные вызовы и угрозы. Гражданам намного проще понять друг друга, запустить те или иные инициативы, оказать предметную помощь нуждающимся, что наглядно было показано в рамках Чемпионата мира по футболу 2018 г. Публичная дипломатия – это набирающая популярность инновационная технология гражданского общества, используемая в т. ч. для планомерного расширения сферы влияния «мягкой силы» (soft power). Более того, гуманитарному, культурному, образовательному сближению граждан способствуют инициативы общественных организаций в рамках деятельности ОБСЕ и Совета Европы.

Однако внедрение «мягкой силы» в государственную стратегию и в ценности гражданского общества – достаточно сложный и длительный процесс. Как отмечает Дж. Най, «мягкая сила» – менее рискованное дело по сравнению с экономической и военной силами, но её трудно применять, легко потерять и дорого восстанавливать [9, с. 151].

Как известно, «мягкая сила» зависит от степени доверия. И, если средства массовой информации (СМИ) регулярно преподносят фейк-ньюс, а основные субъекты влияния в медиасреде используют манипулятивные технологии, доверие разрушается. Показательно, что, согласно очередному докладу *Edelman Trust Barometr* («Барометр доверия»), общий уровень доверия к институтам власти в мире в 2018 г. составляет 48%, в России – 36%. Кроме всего прочего, в

2018 г. минимальный уровень поддержки получили не только институты власти и СМИ, но также неправительственные организации и корпоративный бизнес⁷.

На основе результатов международных исследований и данных по различным направлениям государственной политики составляются рейтинги, оценивающие сравнительные позиции по уровню развития «мягкой силы» в разных странах. Одна из первых попыток создания методики и оценки «мягкой силы» была предпринята английским Институтом государственного управления и журналом «Монокль». Создатели оговаривают, что «мягкая сила» достаточно аморфная категория и с трудом поддается операционализации. Их композитный Индекс «мягкой силы» ИФГ-Монокль (IfG-Monocle Soft Power) опирается на совокупность объективных и субъективных критериев, статистические индикаторы и результаты качественных исследований. Он публикуется с 2010 г., а методология корректировалась в 2011 и 2012 гг. [7, с. 548, 549]. Авторы опираются на разработки концептов «soft power» и «smart power» («умная сила») таких исследователей, как Дж. Най, С. Носсель, Р. Армитидж. Важно отметить, что концепция Ная – Армитиджа, как и концепция С. Носсель, предполагает отказ от стремления преобразовать мир «по своему образу и подобию», а важной установкой «умной силы» является активизация всестороннего диалога со всеми значимыми, крупными государствами, пусть они и не соответствуют статусу демократий в полной мере [16, с. 84]. В конечном варианте индекс включает пять компонентов (кластеров), которые оцениваются по 50 различным показателям.

- Субиндекс «культура» – уровень и популярность культурных достижений страны за рубежом (вклад в мировую культуру в целом, количество памятников ЮНЕСКО, количество туристов, распространённость языка за рубежом), успех в соревнованиях Олимпийских игр и пр.
- Субиндекс «государственное управление» – привлекательность данной модели государственного управления и политических ценностей (государственная состоятельность, модель национального правительства, инклюзивность и пр.).
- Субиндекс «дипломатия» – способность формирования благоприятного облика страны в глазах мирового сообщества и глобального влияния внешней политики, членство в международных организациях и пр.
- Субиндекс «образование» – привлекательность системы высшего образования (количество научных публикаций в рейтинговых журналах и их цитирование, количество иностранных учащихся, академическая мобильность, количество учебно-методической литературы и её доступность).
- Субиндекс «бизнес / инновации» – привлекательность и инновационность экономики страны (hi-tech технологии, уровень коррупции, конкурен-

⁷ Edelman Trust Barometr [Электронный ресурс]. [2018]. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2018-10/2018_Edelman_Trust_Barometer_Global_Report_FEB.pdf (дата обращения: 20.10.2018).

тоспособность отраслей экономики, экспорт высокотехнологичной продукции, открытость и пр.) [7].

Согласно рейтингу, первая десятка стран в 2018 г. выглядит следующим образом: Канада, Германия, Франция, Япония, Великобритания, Швейцария, США, Швеция, Австралия, Италия⁸.

Московским институтом исследования быстроразвивающихся рынков Сколково совместно с компанией Ernst&Young разработан индекс «мягкой силы» для стран с быстрорастущими рынками (Rapid-growth markets soft power index). Разработка подобной методологии была необходима, т. к. многие исследования «мягкой силы» проводились на основе экспертных оценок и опросов общественного мнения, что не отражало глубины и всей сложности происходящих процессов. Точки зрения специалистов зачастую пристрастны, многие из них, впоследствии разошедшиеся с реальностью, могут быть оправданы изменившимися социальными условиями, политическими практиками, экономическими и/или экологическими факторами и т. д. Индекс рассчитывается на основании 13 фиксированных параметров (См. табл. 1), распределённых на три крупных кластера. Нарращивание гражданского активизма по всем индикаторам «мягкой силы» – это мейнстрим публичной политики последних лет.

Таблица 1

Параметры индекса мягкой силы

Индикатор мягкой силы	Кластер
1. Экспорт медиа продукции. 2. Уровень распространения государственного языка в качестве средства международного общения. 3. Проведение и участие в Олимпийских играх. 4. Power of icons (на основании рейтинга журнала Time). 5. Наиболее влиятельные компании (на основании рейтинга журнала Fortune).	Имидж государства в глобальном пространстве (популярность культуры и искусства)
6. Индекс верховенства права, определяемый Всемирным Банком для установления качества государственных институтов. 7. Индекс уровня развития свобод (Freedom index). 8. Индекс электорального участия (данные о явке избирателей демонстрируют уровень доверия населения к власти). 9. Индекс, определяющий уровень выбросов углекислого газа в атмосферу и усилия страны по сокращения таких выбросов.	Глобальная честность государства (соблюдение норм международного права, обеспечение безопасности и защиты своих граждан, уважение и поддержание политических и социальных свобод)
10. Иммиграция – количество иностранцев, иммигрантов, проживающих в стране. 11. Туризм. 12. Рейтинги лучших университетов мира. 13. Владение английским языком (качество и уровень).	Глобальная интеграция (степень взаимосвязи и взаимозависимости рассматриваемого государства с остальным миром)

⁸ Soft Power Survey 2017/18 [Электронный ресурс]. URL: <https://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2017-18> (дата обращения: 20.10.2018).

Первое и пока единственное опубликованное исследование охватывало период с 2005 по 2010 гг. В отчёте 2012 г. Россия заняла третью строчку вслед за Китаем и Индией. Далее страны расположились в следующем порядке: Бразилия, Турция, Мексика, ЮАР, Венгрия, Чехия, Словакия, Польша, Эстония, Украина, Чили, Румыния, Литва, Хорватия, Аргентина, Коста-Рика, Индонезия⁹.

Интересно отметить, что в 2016 г. британское пиар-агенство *Portland*¹⁰ впервые включило Россию в ежегодный рейтинг тридцати самых влиятельных стран, лидирующих по уровню развития «мягкой силы». Россия заняла 27-ю строчку. Места в списке распределяются в соответствии с индексом, который эксперты вычисляет на основании двух групп критериев – объективных и субъективных (их относительная значимость соответственно 70% и 30%). К объективным относятся статистические данные о состоянии государственного управления, отношение к инновациям, развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), культуры и образования, численность зарубежных дипломатических представительств, участие страны в решении глобальных проблем. Субъективные показатели определяются по итогам опросов общественного мнения, проводившихся в 25 государствах, включая Россию. К ним причисляют: отношение к национальной кухне, популярность производимой в стране высокотехнологичной продукции, удовлетворённость услугами, благоустроенность, открытость и приветливость населения, культуру и внешнеполитическую составляющую.

В рейтинге 2018 г.¹¹ первое место занимает Великобритания, далее следуют Франция, Германия, США и Япония. Россия находится на 28-й позиции. Важно подчеркнуть, что наибольшие показатели наша страна получила по категориям «Развитие ИКТ» и «Уровень геополитического влияния», а также «Вклад в развитие международного сообщества».

Интенсивное внедрение «мягкой силы» в современный политический процесс выступает своего рода реакцией на процессы интенсивного и противоречивого развития властно-управленческих отношений. С момента широкомасштабного проникновения «мягкой силы» в глобальное пространство начали происходить характерные сдвиги в структуре взаимодействий государственных институтов и акторов гражданского общества в мире. Поляризация отношений власти и общества показывает неоднородность и разновекторность гражданского активизма (деструктивный / конструктивный характер). Гражданские инициативы последних лет продемонстрировали,

⁹ Rapid-growth markets soft power index Spring 2012 [Электронный ресурс]. URL: https://iems.skolkovo.ru/downloads/documents/SKOLKOVO_IEMS/Research_Reports/SKOLKOVO_IEMS_Research_2012-02-02_en.pdf (дата обращения: 20.10.2018).

¹⁰ Portland [Электронный ресурс]. URL: <https://portland-communications.com> (дата обращения: 20.10.2018).

¹¹ The Soft Power 30 [Электронный ресурс]. URL: <https://softpower30.com> (дата обращения: 20.10.2018).

что гражданский активизм способен вписаться и дополнить концепцию «мягкой силы», а также выступить на паритетных ролях с государственными акторами. Как видится, формалистический подход власти к трансляции «мягкой силы» России показывает низкую эффективность и отсутствие глубокой синхронизации в виде конструктивного диалога с объектами влияния. Нынешний период постправды усиливает указанную тенденцию, не способствуя кооперации и совместной работе между властью и обществом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в последние годы политическое пространство активно дополняется новыми ИКТ и способами проявления гражданского активизма, что обуславливает медленную трансформацию традиционных составных частей существующей политической системы. Как известно, согласно популистскому образу правления народ – господин, государство – слуга, а согласно республиканскому образу народ – доверитель, государство – распорядитель [13, с. 44]. Поэтому, если народ выступает как совокупность гражданских индивидов, имеющих коллективную идентичность, решение индивидуальных и групповых проблем приобретает качественно новое измерение, способствуя уменьшению коммуникационных провалов между обществом и властью. Эффективная «мягкая сила» является следствием позитивного образа страны, выработавшегося у других международных игроков не в последнюю очередь благодаря целенаправленной информационной деятельности акторов гражданского общества. «Мягкая сила» вкупе с гражданским активизмом приводит к расширению публичного пространства (особенно виртуальной публичной сферы), увеличивая инклюзивность конвенциональных площадок коммуникации как на государственном, так и на международном уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Душа России: сборник статей. М.: Центрполиграф, 2016. 255 с.
2. Володенков С. В. Digital-технологии в системе традиционных институтов власти: политический потенциал и современные вызовы // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 12.10.2018).
3. Воронцова Т. Н., Юдина Е. В. Социокультурная специфика гражданской активности россиян // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. 2017. № 1. С. 97–101.
4. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2017 год. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2017. 100 с.
5. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. Политические исследования. 1997. № 4. С. 6–32.

6. Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016. Екатеринбург, М.: Гуманитарный университет: Кабинетный учёный, 2016. 304 с.
7. Малькова И. В. Методы оценки эффективности геобрендинга // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы: материалы 15-й Международной конференции, 2018 г. М.: КДУ: Университетская книга, 2018. С. 545–552.
8. Михайлов А. Кризис изобилия // *Gazeta.ru*. URL: <https://www.gazeta.ru/column/mikhailov/4948929.shtml> (дата обращения 10.11.2018).
9. Най Дж. Будущее власти / пер. с англ. М.: АСТ, 2014. 444 с.
10. Никовская Л. И. Гражданский активизм и публичная политика в России: состояние и вызовы // *Государство и граждане в электронной среде: сборник научных статей*. СПб., 2017. С. 144–158.
11. Никовская Л. И., Скалбан И. А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 6. С. 43–60.
12. Патрушев С. В. Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // *Полис. Политические исследования*. 2009. № 6. С. 24–32.
13. Петтит Ф. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления / пер. с англ. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. 488 с.
14. Ракитов А. И. Постинформационное общество // *Философские науки*. 2016. № 12. С. 7–19.
15. Сквиков А. К. Взаимодействие гражданского общества с органами государственной власти в формировании патриотизма // *PolitBook*. 2017. № 3. С. 34–44.
16. Столетов О. В. Стратегия «разумной силы» в политике глобального лидерства. М.: Издательство Московского университета, 2018. 288 с.
17. Dalton R. J. Citizenship Norms and the Expansion of Political Participation // *Political Studies*. 2008. Vol. 56. P. 76–98.
18. Macedo S. *Democracy at Risk: How Political Choices Undermine Citizen Participation, and What We Can Do About It*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2005. 240 p.
19. Priestley J. *Political Writings*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 192 p.

REFERENCES

1. Berdyaev N. A. *Dusha Rossii* [The soul of Russia]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2016. 255 p.
2. Volodenkov S. V. [Digital technologies in the system of traditional institutions of power: political potential and current challenges]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2018, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 12.10.2018).
3. Vorontsova T. N., Yudina E. V. [Socio-cultural specificity of civil activity of Russians]. In: *Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (Novocherkasskogo politekhnicheskogo instituta)*. *Seriya: Sotsial'no-*

ekonomicheskie nauki [Bulletin of South-Russian State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute). Series: Socio-Economic Sciences], 2017, no. 1, pp. 97–101.

4. *Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii za 2017 god* [Report on the state of civil society in the Russian Federation in 2017]. Moscow, Public Chamber of the Russian Federation Publ., 2017. 100 p.

5. Inghkharth R. [Postmodern: changing values and the changing society]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Political studies], 1997, no. 4, pp. 6–32.

6. *Kak novye media izmenili zhurnalistiku. 2012–2016* [How new media has changed journalism. 2012–2016]. Ekaterinburg, Moscow, Humanities University Publ., Cabinet Scientist Publ., 2016. 304 p.

7. Mal'kova I. V. [Methods of evaluating the effectiveness of geo-branding]. In: *Gosudarstvennoe upravlenie Rossiiskoi Federatsii: vyzovy i perspektivy: materialy 15-i Mezhdunarodnoi konferentsii, 2018 g.* [Public administration of the Russian Federation: challenges and prospects: Materials of the 15th International conference, 2018]. Moscow, KDU Publ., Universitetskaya kniga Publ., 2018, pp. 545–552.

8. Mikhailov A. [Crisis of abundance]. In: *Gazeta.ru*. Available at: <https://www.gazeta.ru/column/mikhailov/4948929.shtml> (accessed: 10.11.2018).

9. Nai J. The future of power (Russ. ed.: *Budushchee vlasti*. Moscow, AST Publ., 2014. 444 p.).

10. Nikovskaya L. I. [Civic activism and public policy in Russia: status and challenges]. In: *Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoi srede* [The state and the citizens in the electronic environment]. St. Petersburg, 2017, pp. 144–158.

11. Nikovskaya L. I., Skalaban I. A. [Civic participation: peculiarities of discourse and trends in actual development]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Political studies], 2017, no. 6, pp. 43–60.

12. Patrushev S. V. [Civil activity: institutional approach (vision)]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Political studies], 2009, no. 6, pp. 24–32.

13. Pettit Ph. Republicanism. A Theory of Freedom and Government (Russ. ed.: *Respublikanizm. Teoriya svobody i gosudarstvennogo pravleniya*. Moscow, Publishing House of Gaidar Institute Publ., 2016. 488 p.).

14. Rakitov A. I. [The post society]. In: *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2016, no. 12, pp. 7–19.

15. Skovikov A. K. [The interaction of civil society with state authorities in the formation of patriotism]. In: *PolitBook*, 2017, no. 3, pp. 34–44.

16. Stoletov O.V. *Strategiya «razumnoi sily» v politike global'nogo liderstva* [The strategy of “soft power” in the policy of global leadership]. Moscow, Moscow University Press Publ., 2018. 288 p.

17. Dalton R. J. Citizenship Norms and the Expansion of Political Participation. In: *Political Studies*, 2008, vol. 56, pp. 76–98.

18. Macedo S. *Democracy at Risk: How Political Choices Undermine Citizen Participation, and What We Can Do About It*. Washington, DC, Brookings Institution Press, 2005. 240 p.

19. Priestley J. *Political Writings*. Cambridge, Cambridge University Press, 1993. 192 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 12.11.2018

Статья размещена на сайте: 24.01.2019

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бронников Иван Алексеевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: ivbronn@gmail.com

Ivan A. Bronnikov – PhD in Political Sciences, associate professor at the Department of Russian Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: ivbronn@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Бронников И. А. Гражданский активизм как ресурс «мягкой силы» России // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Bronnikov I. A. Civil activism as a resource of the “soft power” in Russia. In: Bulletin of Moscow Region State University (e-journal), 2019, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru.